

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАЗДНИКА НА АЛТАЕ В 1920-е гг.

Статья посвящена практике проведения советских государственных праздников на Алтае в 1920-е гг. Анализируются особенности формирования советского праздничного календаря и основные законодательные акты по вопросу развития государственных праздников. Рассматривается процесс организации торжественных мероприятий. Исследуются отчеты о проведении праздничных мероприятий. Праздники рассматриваются как важный элемент пропаганды. Обращение к местному материалу обусловлено тем, что праздничная культура в рассматриваемый период значительно варьировалась в зависимости от региональных условий.

Ключевые слова: государственные праздники; праздничный календарь; торжественные мероприятия.

В истории советского общества 1920-е гг. являются периодом формирования новой государственной идеологии. Важной особенностью данного десятилетия можно считать появление революционного календаря.

В период становления советской власти праздничная культура оценивалась как важное средство идеологического влияния. Создание и утверждение новых государственных праздников и ритуалов рассматривались как дело государственной важности [1. С. 14]. Как отмечают культурологи Л.А. Шумихина и В.Н. Попова, «первые советские праздники были проникнуты революционным настроением, внутренним подъемом и надеждой на перемены» [2. С. 205].

Советский праздничный календарь формировался в высших эшелонах власти, постепенно спускаясь до уровня масс. Внедрение новой социалистической системы праздников, по мнению М.Д. Алексеевского, «можно рассматривать как уникальный социокультурный эксперимент, т.к. на протяжении многих десятилетий власть создавала искусственную систему обрядов и праздников, которые затем насильно внедрялись в жизнь общества» [3. С. 168]. Советские государственные праздники отличались четким политическим содержанием, а их главной целью стало утверждение идей власти и общественных отношений новой жизни.

Неудивительно, что процесс формирования и становления новой культуры был далеко не простой и к тому же длительный. Изменить общественный строй оказалось легче, чем традиционный ритм и уклад жизни. Об этом свидетельствует тот факт, что после 1917 г. прошло ещё немало лет, пока удалось фактически исключить из календаря религиозные праздники. Новая праздничная обрядность, так энергично внедряемая в первые годы существования Советского государства, не смогла сразу пустить глубокие корни, привиться и органически войти в жизнь населения.

В 1920-е гг. старые обычаи и новые культурные веяния сталкивались в повседневной жизни особенно ярко, сочетая в себе причудливые формы старых традиций и революционных новшеств [4. С. 280]. Привычка к давно сложившимся формам жизни могла быть преодолена лишь упорной работой по переделке сознания миллионов людей. А такая работа требовала огромного времени.

Новые праздники одновременно воздействовали на познавательную, эмоциональную и волевую сферы

деятельности человека, тем самым способствуя объединению людей для решения важных для государства задач. К задачам советской праздничной системы следует отнести и стремление государства к контролю над общественной жизнью городского и сельского населения.

Советская власть осознавала, что внедрить новую систему праздников в уже сложившийся уклад жизни будет не просто. Но праздник, как известно, «явление коллективистское, требующее присутствия и непосредственного участия группы людей» [5. С. 9]. Именно это обстоятельство умело использовалось новой властью, которая понимала, что управлять коллективом проще, чем отдельно взятыми людьми. К тому же политический режим, порвавший с традицией, но окружённый людьми, воспитанными на прошлом и потому опасными для него, сделал решающую ставку на молодое поколение.

Для того чтобы праздник в советском обществе стал мощным орудием политического воздействия, был необходим профессиональный подход к его организации. Как писал А.В. Луначарский, для праздника нужны следующие элементы: во-первых, действительный подъем масс и их желание откликнуться на событие, которое празднуется; во-вторых, известный минимум праздничного настроения; в-третьих, талантливые организаторы, способные внедриться в массы и руководить ими [6. С. 203]. Именно поэтому проведение праздников стало неотъемлемой частью государственной политики, вплоть до того, что основная идея празднования той или иной даты излагалась в инструкциях ЦК РКП (б). Новые празднества и обряды были созданы в рамках «социального заказа, который идет от власти, управляется властью и подчиняется только ей» [7. С. 80].

Поскольку в 1920-е гг. большая часть населения страны была безграмотна, то праздничные мероприятия, наряду с другими визуальными видами искусства (театром, кино, монументальным искусством, живописью), играли роль мощного агитационно-просветительского инструмента. Именно в первое десятилетие после Октябрьской революции наиболее четко выделяются основные тенденции ведения пропагандистской и агитационной работы и формируется устойчивый праздничный календарь Советского государства. Это были годы поисков новых названий,

форм, содержания, символики, которые могли бы пропагандировать новые принципы жизни, поддерживать власть и её политику.

В «Правилах об условиях найма и оплаты труда рабочих и служащих всех предприятий, учреждений и хозяйств в РСФСР» (1920 г.) указываются шесть праздничных дней, в которые не должна производиться работа (за исключением предприятий, деятельность которых является непрерывной): 1 января – Новый год; 22 января – день памяти погибших 9 января 1905 г.; 12 марта – низвержение самодержавия; 18 марта – день Парижской Коммуны; 1 мая – день Интернационала; 7 ноября – день Пролетарской Революции [8]. Введенный в действие «Кодекс законов о труде РСФСР», изданный в 1922 г., также запрещал работу в вышеперечисленные праздники.

Организацией праздников занимались специально создаваемые комиссии. В их состав чаще всего входили административные, партийные, комсомольские и профсоюзные работники. Комиссии формировались на разных уровнях (центральная всероссийская, губернская, областная, городская, районная, сельская, на предприятиях, учреждениях). При комиссиях создавали подкомиссии (хозяйственная, агитационная, клубно-художественная, спортивно-организационная) [9. Л. 28].

Подготовка к праздникам на Алтае в 1920-е гг. начиналась минимум за неделю. Так, 28 апреля 1921 г. в газете «Красный Алтай» указывалось на необходимость незамедлительной подготовке населения к Первомайскому празднику: «Заводы, фабрики, профсоюзы, клубы, студии, кружки – все организации, где дышит и бьется пролетарское сердце, – все должны немедленно обсудить, как встретить, как отпраздновать этот великий день» [10]. Отдел агитации и пропаганды выпускал специальные положения о декорировании помещений и частных домов [11. Л. 15]. Граждан призывали вывешивать на домах красные флаги.

Часто к государственным праздникам приурочивали закладку или открытие различных объектов строительства или памятников. Так, 7 ноября 1921 г. в г. Барнауле после окончания праздничного митинга был заложен памятник на могиле жертв революции [12. Л. 2]. К 1 мая 1926 г. в с. Троицком с помощью местных кооперативных организаций была открыта детская площадка [13].

Основными формами празднования на Алтае были парады с участием вооруженных сил, демонстрации или шествия, которые собирали людей в одном общественном центре. Маршруты подробным образом описывались в периодической печати [13].

Отметим, что в 1920-е гг. власти делали особый акцент на активное участие детей в мероприятиях, посвященных государственным праздникам [14. Л. 91; 15. Л. 2]. По мнению исследователя Н.В. Шалаевой, психология старшего поколения во многом была связана с «предреволюционной историей и религиозными праздниками. Психология же молодого человека с его стремлением к переменам соответствовала в большей степени социокультурным установкам вла-

сти» [16. С. 45]. Развивая данную мысль, А.И. Щербинин пишет, что «младший дошкольник переживает праздник, наблюдая демонстрации, слушая марши и песни, неся в руке маленький флажок – копию революционного знамени; старшие дошкольники уже понимают, что праздник Октября – это “день рождения” Страны Советов, 1 мая – праздник нерушимой дружбы трудящихся всех народов» [17. С. 87].

После завершения официальных торжественных мероприятий устраивались гуляния или спортивные состязания. Так, Первомайские тожества 1923 г. в г. Рубцовске включали в себя не только политические, но и спортивные, игровые развлекательные мероприятия. Инструктор Алтайского Губкома ВКП(б) так описывает данный праздник: «В 4 часа дня на площади гремит музыка. Игра в футбол, группа мальчиков и девочек использовали несколько гимнастических номеров, а также и допризывниками был дан ряд номеров из гимнастики, как то постройка, пирамиды, турник, кольца и пр. Вечером в клубах спектакли, здания украшены, в фойе выставка диаграмм по сельскохозяйственной кооперации, транспорта и пр.» [18. Л. 178].

По окончании праздничных мероприятий в обязательном порядке уездные партийные организации составляли отчеты, в которых указывали на достоинства и недостатки работы. В отчетах подчеркивалось, что важными задачами праздников является «...смычка рабочих и крестьян с красной армией, экскурсии рабочих и крестьян подшефных деревень в казармы» [19. Л. 3]. Работники культуры организовывали художественное обслуживание не только в городских клубах, но и подшефных колхозах. Предприятия брали на себя обязательства по оказанию помощи какой-либо деревне, присылая материальные средства и культурно-просветительские бригады. Крестьяне посещали рабочие и красноармейские клубы, знакомились с производством, затем присутствовали на митингах.

Непосредственно в сельской местности праздники проходили менее торжественно, чем в городе. Формируя в деревне советскую праздничную культуру, власть навязывала формы праздничных мероприятий, что были характерны для города (митинги, демонстрации, заседания). Так, в соответствии с планом Алтгубкома «О проведении праздника Октябрьской революции в деревне» в 1924 г., местным властям предписывалось 7 ноября «утром провести митинги на площадях сел. Вечером устроить торжественные заседания, на которых должны были выступить представители всех общественных организаций в селе» [20. Л. 115]. Но в обращениях к власти крестьян в большей степени интересовали не вопросы революционной тематики, а насущные для них проблемы – голод, налоги. В отчетах Алтгубкома о проведении октябрьских торжеств в 1920 г. отмечалось, что организация годовщины Октября в целом находилась на высоком уровне. Но несмотря на это, главным для сельского населения оставался продовольственный вопрос. В архивных документах зафиксировано, что жители жаловались присутствовавшим на праздничных мероприятиях инструкторам – агитаторам

Алтгубкома на нехватку хлеба, который был съеден кобылкой [21].

Отметим, что в начале 1920-х гг. советские государственные праздники были явлением новым, еще не нашедшим своего места в сельском праздничном календаре. Они не были закреплены ежегодными повторениями и поэтому нуждались в регулярном анонсировании властями, без подобного указания свыше о празднике могли просто забыть [22. С. 22–23]. В силу этого некоторые торжества в сельской местности в начале 1920-х гг. не проводились совсем. Так, в газете «Звезда Алтая» отмечалось, что 7 ноября 1921 г. в с. Верхний Ай Айской волости 6-я годовщина революции не праздновалась, так как «сельсовет не постарался объявить гражданам, что 7 ноября праздник трудящихся. Так проспал совет октябрьские торжества» [23]. В с. Березово Сибирячихинской волости, согласно данным периодической печати, до октябрьских торжеств была создана комиссия, которая подготовила порядок празднования и назначила руководителя. 7 ноября «...члены ячейки собрались на площади, решив устроить манифестацию. Но, как выяснилось, руководитель на площадь не явился. Было предложено разойтись по домам. Праздник так и не состоялся» [24].

Важным общественно-политическим событием в рассматриваемый период стала смерть В.И. Ленина 21 января 1924 г. На Алтае траурные мероприятия проводились в течение нескольких дней. Они включали в себя собрания и митинги в городах, селах и на предприятиях. 23 января на собрании барнаульской уездной партийной организации было принято решение об «открытии пожертвований на сооружение памятника В.И. Ленину» [25. Л. 119].

В соответствии с Постановлением Президиума ЦИК от 19 сентября 1924 г. «О днях, посвященных памяти В.И. Ленина» 22 января был объявлен нерабочим днем. В постановлении отмечалось, что «день кончины В.И. Ульянова-Ленина (21 января), объявленный II Съездом Советов Союза ССР днем траура, – является рабочим днем. Нерабочий день 22 января, посвященный памяти 9 января 1905 г., одновременно посвящается памяти В.И. Ульянова-Ленина» [26]. Во второй половине 1920-х гг. складывается комплекс мероприятий, посвященных Дню памяти Ленина, который включал в себя заседания горсоветов, лекции и беседы и жизнедеятельности Ленина.

В 1927 г. Президиум ЦИК издал постановление «О праздничных днях, посвященных годовщине Октябрьской революции, и об особых днях отдыха». В нем отмечалось, что, «учитывая потребность трудящихся Союза ССР в наиболее полном ознаменовании дней годовщины октябрьской революции», законодательно была увеличена продолжительность октябрьских торжеств с одного до двух дней – 7 и 8 ноября [27]. Эти праздничные дни объявлялись выходными на всей территории СССР (за исключением предприятий и учреждений, в которых работа должна производиться непрерывно). В 1928 г. была увеличена продолжительность Первомайского праздника. В соответствии с Постановлением ЦИК «О праздничных днях, посвященных дню Интернационала, и об особых днях

отдыха» ежегодно, начиная с 1928 г., этот праздник отмечался в течение двух дней – 1 и 2 мая.

Как отмечает немецкий исследователь М. Рольф, в 1920-е гг. образцово-показательным мероприятием стала подготовка к празднованию 10-й годовщины Октября [28. С. 117]. Планирование, организация и проведение юбилейных мероприятий должны были осуществляться на всей территории страны по единому образцу. Подготовка к торжеству началась за год до праздника с создания на всесоюзном уровне центральной праздничной комиссии при Президиуме ЦИК СССР, которая устанавливала нормы и следила за их исполнением на региональном уровне.

Центральная праздничная комиссия издавала Бюллетень юбилейной комиссии, в котором публиковались указания регионам. Одновременно большим тиражом выходили сопроводительные брошюры с разъяснением содержания праздничных речей и агитационных мероприятий, намечавшихся в провинции. В специальном пособии прописывались задачи и характер празднования, отмечалось, что революцию 1917 г. нельзя рассматривать только как победу русского пролетариата, так как она имеет международный характер, что должно найти отражение в различных мероприятиях. Подчеркивалось, что «празднование должно охватить не только клуб, улицу и другие общественные места, но и глубоко проникнуть в квартиру рабочего и крестьянина, в сам быт и семью» [29. С. 9].

В преддверии 10-й годовщины Октября на Алтае проводились лекции и беседы по следующим темам: трудности и успехи социалистического строительства; рабоче-крестьянские массы в строительстве советского государства и хозяйства; партия в деле руководства социалистическим правительством. Необходимо было показать, что политика, проводимая партией, должна обеспечить «победу в деле разрешения трудностей социалистического строительства» [30].

Особое внимание отводилось оформлению праздника. Показательным является приказ барнаульского городского Совета от 2 ноября 1927 г., в соответствии с которым всем государственным учреждениям и предприятиям, находящимся на территории г. Барнаула, предписывалось украсить свои здания флагами и портретами вождей, поднять в дни празднования государственный флаг [31]. Власти призывали население наводить порядок на улице, производить побелку и чистку усадеб, надевать праздничные наряды.

Подробный план проведения 10-й годовщины революции в г. Барнауле описан в газете «Красный Алтай» [32]. Сбор организаций-участников назначался у Дворца Труда в 11 часов утра. Каждая из них должна была выделить руководителя колонной. Полагалось, что демонстранты пойдут по 8 человек в ряду. Первую колонну должны были образовать металлисты, пищевики мельницы № 20 и водники; вторую – пищевики дрожжевинокуренного и пивоваренного заводов, работники предприятий питания, транспортники; третью – печатники и строители; четвертую – работники сельского хозяйства и деревообработчики; пятую – медики, работники просвещения и искусства;

шестую – коммунальщики, текстильщики, кустики, учащиеся школ и пионерской организации; седьмую (с гостями-крестьянами во главе) – кожевники, овчинники, железнодорожники. В 11 часов после сбора у Дворца Труда демонстранты двигались на Базарную площадь.

Согласно плану в 11.30 из Дома Крестьянина через площадь маршем должен пройти отряд партизанских войск, за которым следовал карнавал, изображающий исторические события – от ликвидации царского правительства до установления большевистской власти. Далее демонстрацию планировалось направить к братским могилам, где устраивался митинг. Отметим, что обряд поминовения погибших был важным элементом революционных мероприятий. Обязательными были торжественные речи, воспевавшие подвиг героев, минута молчания и исполнение «Похоронного марша» и «Интернационала».

От братских могил шествию предписывалось двигаться по Ленинскому проспекту к красным казармам на Полковой площади (ныне Никольская церковь на пр. Ленина, 36), пропуская перед собой 63-й полк, который из казарм по ул. 1-й Алтайской (ныне ул. Чернышевского) выходил на Соборный переулок. Следом за полком участники демонстрации продолжали движение к 5-й алтайской улице (Папанинцев), где по плану происходила инсценировка боя между «красногвардейцами» и «белобандитами». Включение с середины 1920-х гг. в торжественные мероприятия карнавалов и инсценировок на революционные темы, как отмечают О.Р. Будина и М.Н. Шмелёва, «было рассчитано на прямое агитационное воздействие на массы, на их соучастие в происходящем и создание определенной эмоциональной

обстановки» [33. С. 6]. После окончания инсценировки колонны направлялись к Центральному железнодорожному клубу, где в час дня открывался Октябрьский митинг.

В местной периодической печати отмечалось, что в день юбилея на Алтае города и села приняли праздничный вид. На демонстрациях было много крестьян, которые выходили целыми семьями [34]. Но так было не везде. Например, в с. Власиха «...октябрьские торжества прошли вяло. Почти половина деревни пьянствовала, только передовые крестьяне и крестьянки приняли участие в празднике» [35].

Таким образом, в рассматриваемый период монополия большевиков на власть в стране определяла, в том числе, и монополию на праздничную культуру. Формировалось необходимое идеологизированное пространство, воздействовавшее на широкие массы населения в нужном для правящей власти русле. Кроме того, решалась задача подготовки профессиональных кадров, выстраивавших регламент новых торжеств.

При организации праздников большевики стремились к активному вовлечению населения как на этапе подготовки, так и во время их проведения. Это проявлялось в создании специальных комиссий по организации праздников, в активном освещении в периодической печати процесса подготовки торжеств и массовом характере праздничных мероприятий.

Важно отметить, что в процессе своего становления новая праздничная культура совершенствовалась, с каждым годом в празднествах принимало участие всё большее количество людей и организаций. Организация торжества поднималась на более высокий уровень, внешнее оформление приобрело унифицированный и идеологически выраженный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мордасова М.А. Праздничная культура Южного Урала в 1917–1941 гг. : автореф. ... дис. канд. ист. наук. Челябинск, 2005. 26 с.
2. Шумихина Л.А., Попова В.Н. Эстетика парадов и демонстраций как праздничных ритуалов советской культуры // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 203–208.
3. Алексеевский М.Д. Советские праздники в русской деревне: к постановке проблемы // Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология : материалы VI Междунар. школы молодого фольклориста. Архангельск, 2004. С. 162–169.
4. Бондаренко С.И. Организация «нового» досуга в повседневной жизни западносибирской деревни в 1920-е гг. // История Алтайского края, XVII–XX вв. : науч. и док. материалы. Барнаул, 2004. С. 279–292.
5. Жигульский К. Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога. М. : Прогресс, 1985. 336 с.
6. Луначарский А.В. Религия и просвещение. М. : Сов. Россия, 1985. 544 с.
7. Макаревич Э.Ф. Массовая культура: влияние на человека // Диалог. 1997. № 11–12. С. 77–83.
8. Общее положение о тарифе. Правила об условиях найма и оплаты труда рабочих и служащих всех предприятий, учреждений и хозяйств в РСФСР: декрет от 17 июня 1920 г. // КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4013>
9. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). ФП. 14. Оп. 1. Д. 164.
10. Приготовьтесь к 1 мая // Красный Алтай. 1921. 28 апр.
11. ГААК. ФП. 2. Оп. 4. Д. 353.
12. ГААК. ФП. 2. Оп. 2. Д. 230.
13. Масюк М. 1 Мая в с. Троицком // Степная правда. 1926. 9 мая.
14. ГААК. ФП. 2. Оп. 3. Д. 319.
15. ГААК. ФП. 2. Оп. 1. Д. 234.
16. Шалаева Н.В. Становление советской праздничной культуры и особенности ее восприятия в общественном сознании в 1917–1920-х гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 44–48.
17. Щербинин А.И. Тоталитарная индоктринация: у истоков системы. Политические праздники и игры // Полис. 1998. № 5. С. 79–96.
18. ГААК. ФП. 2. Оп. 4. Д. 97.
19. ГААК. ФП. 2. Оп. 4. Д. 334.
20. ГААК. ФП. 2. Оп. 3. Д. 111.
21. ГААК. ФП. 2. Оп. 1. Д. 233.
22. Деканова М.К. Формирование советской праздничной культуры в деревне в 1920-е гг. // Вестник СамГУ. 2008. № 1 (60). С. 21–27.
23. Наш засоня // Звезда Алтая. 1923. 22 нояб.
24. Праздник сорвали // Звезда Алтая. 1923. 23 нояб.
25. ГААК. ФП. 2. Оп. 6. Д. 185.

26. Постановление «О днях, посвященных памяти В.И. Ленина» от 19 сентября 1924 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2171.htm
27. Постановление «О праздничных днях, посвященных годовщине Октябрьской революции, и об особых днях отдыха» от 26 октября 1927 г. // КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=26474&req=doc>
28. Рольф М. Советские массовые праздники / пер. с нем. В.Т. Алтухова. М.: РОССПЭН, 2009. 439 с.
29. К десятой годовщине Октября. М.: АХРП, 1927. 48 с.
30. Политшколы и кружки проводят беседы о 10-й годовщине Октября // Красный Алтай. 1927. 28 окт.
31. Приказ Барнаульского Городского Совета 7-го созыва № 30 // Красный Алтай. 1927. 3 нояб.
32. Барнаул в праздник // Красный Алтай. 1927. 3 нояб.
33. Будица О.Р., Шмелёва М.Н. Общественные праздники в современном быту русского городского населения // Советская этнография. 1979. № 6. С. 3–17.
34. Новое побеждает // Красный Алтай. 1927. 13 нояб.
35. Власиха пьянствовала // Красный Алтай. 1927. 13 нояб.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 февраля 2016 г.

THE FORMATION OF A NEW MODEL OF THE STATE HOLIDAY IN THE ALTAI IN THE 1920S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 121–126.

DOI: 10.17223/15617793/406/19

Menkov Sergey V. Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: menkovs@bk.ru

Keywords: state holidays; holiday calendar; celebrations.

In the history of soviet society the 1920s is the period of formation of the new state ideology. The emergence of the revolutionary calendar can be considered as an important feature of this decade. New holidays influenced the cognitive, emotional and volitional spheres of human activity, brought people together to solve important problems of the state. Specially created commissions worked to organize holidays. They included administrative, party, komsomol and trade union officials. Commissions were formed at different levels (all-Russian central, provincial, regional, municipal, district, village, company, institution). The main forms of celebration, both in the center and in the regions, were parades, demonstrations or processions, that gathered people in a community center. The route was described in detail in the periodical press. In rural areas, holidays were less solemn than in the city. Forming Soviet festive culture in the village, the government imposed the same forms of festive events that were typical for cities (rallies, demonstrations, meetings). Soviet state holidays were a new phenomenon, they had not yet found their place in the rural festive calendar. They were not fixed by annual repetitions. They needed regular advertising by the government, otherwise they could simply be forgotten. An exemplary event was the preparation for the celebration of the 10th anniversary of the revolution. Planning, organization and holding of anniversary events were carried out throughout the country following a uniform pattern. Preparations for the celebration began a year before the holiday by forming a central holiday committee at the all-union level. It established the rules and enforced them at the regional level. In the period under review the bolshevik monopoly of power in the country determined, among other things, the monopoly on the festive culture. A necessary ideologically space was made which influenced the broad masses of the population in the way the power needed. The problem of training of professionals engaged in the organization of new celebrations was also solved. When organizing events, the bolsheviks sought active involvement of the population, both in their preparation and implementation. In the process of its formation, the new holiday culture improved; every year more and more people and organizations took part in the festivities. Organization of celebrations rose to a higher level, the external design became unified and ideologically marked.

REFERENCES

1. Mordasova, M.A. (2005) *Prazdnichnaya kul'tura Yuzhnogo Urala v 1917–1941 gg.* [Festive culture of the Southern Urals in 1917–1941]. Abstract of History Cand. Diss. Chelyabinsk.
2. Shumikhina, L.A. & Popova, V.N. (2012) Aesthetics of parades and demonstrations as festive rituals of the Soviet culture. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 5. pp. 203–208. (In Russian).
3. Alekseevskiy, M.D. (2004) [Soviet holidays in the Russian village: to the problem]. *Kompleksnoe sobiranie, sistematika, eksperimental'naya tekstologiya* [Comprehensive collection, systematization, experimental textual criticism]. Proc. of the VI International School of Young Folklorists. Arkhangelsk. pp. 162–169. (In Russian).
4. Bondarenko, S.I. (2004) Organizatsiya “novogo” dosuga v povsednevnoy zhizni zapadnosibirskoy derevni v 1920-e gg. [Organization of the “new” leisure in the daily life of the West Siberian village in the 1920s]. In: *Istoriya Altayskogo kraya, XVII–XX vv.: nauch. i dok. materialy* [Organization of the “new” leisure in the daily life of the West Siberian village in the 1920s. // History of the Altai Territory, 17th–20th centuries: research and documentary materials]. Barnaul.
5. Zhigul'skiy, K. (1985) *Prazdnik i kul'tura. Prazdniki starye i novye. Razmyshleniya sotsiologa* [Holiday and culture. Old and new holidays. Reflections of a sociologist]. Moscow: Progress.
6. Lunacharskiy, A.V. (1985) *Religiya i prosveshchenie* [Religion and education]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
7. Makarevich, E.F. (1997) Massovaya kul'tura: vliyaniye na cheloveka [Popular culture: impact on the human]. *Dialog*. 11–12. pp. 77–83.
8. KonsultantPlyus. (n.d.) *Obshchee polozheniye o tarife. Pravila ob usloviyakh nayma i oplaty truda rabochikh i sluzhashchikh vseh predpriyatiy, uchrezhdeniy i khozyaystv v RSFSR: dekret ot 17 iyunya 1920 g.* [The general regulation of the tariff. The rules on conditions of employment and payment of workers and employees of companies, institutions and enterprises in the RSFSR: the decree of June 17, 1920]. [Online]. Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4013>.
9. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 14. List 1. File 164. (In Russian).
10. Krasnyy Altay. (1921) Prigotov'tes' k 1 maya [Prepare for May 1]. *Krasnyy Altay*. 28 April.
11. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 2. List 4. File 353. (In Russian).
12. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 2. List 2. File 230. (In Russian).
13. Masyuk, M. (1926) 1 Maya v s. Troitskom [May 1 in v. Troitskoe]. *Stepnaya pravda*. 9 May.
14. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 2. List 3. File 319. (In Russian).
15. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 2. List 1. File 234. (In Russian).
16. Shalaeva, N.V. (2013) The Formation of the Soviet Festive Culture and Peculiarities of its Perception in the Public Mind in 1917 – 1920s. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya – Izvestiya of Saratov University. New series. Series History. International Relations*. 13:4. pp. 44–48. (In Russian).

17. Shcherbinin, A.I. (1998) Totalitarnaya indoktrinatsiya: u istokov sistemy. Politicheskie prazdniki i igry [Totalitarian indoctrination: at the origins of the system. Political holidays and games]. *Polis*. 5. pp. 79–96.
18. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 2. List 4. File 97. (In Russian).
19. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 2. List 4. File 334. (In Russian).
20. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 2. List 3. File 111. (In Russian).
21. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 2. List 1. File 233. (In Russian).
22. Dekanova, M.K. (2008) Formirovaniye sovetskoy prazdnichnoy kul'tury v derevne v 1920-e gg. [Formation of the Soviet festive culture in the village in the 1920s]. *Vestnik SamGU – Vestnik of Samara State University*. 1 (60). pp. 21–27.
23. Zvezda Altaya. (1923) Nash zasonya [Our sleepyhead]. *Zvezda Altaya*. 22 November.
24. Zvezda Altaya. (1923) Prazdnik sorvali [Holiday thwarted]. *Zvezda Altaya*. 23 November.
25. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 2. List 6. File 185. (In Russian).
26. Biblioteka normativno-pravovykh aktov SSSR. (1924) *Postanovleniye "O dnyakh, posvyashchennykh pamyati V.I. Lenina" ot 19 sentyabrya 1924 g.* [Resolution "On the days dedicated to the memory of V.I. Lenin" of September 19, 1924]. [Online]. Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2171.htm.
27. Konsul'tantPlyus. (n.d.) *Postanovleniye "O prazdnichnykh dnyakh, posvyashchennykh godovshchine Oktyabr'skoy revolyutsii, i ob osobykh dnyakh otdykha" ot 26 oktyabrya 1927 g.* [Resolution "On holidays for the anniversary of the October Revolution, and on special days of rest" of October 26, 1927]. [Online]. Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=26474&req=doc>.
28. Rolf, M. (2009) *Sovetskie massovye prazdniki* [Soviet mass holidays]. Translated from German by V.T. Altukhov. Moscow: ROSSPEN.
29. Mal'tsev, K. (ed.) (1927) *K desyatoy godovshchine Oktyabrya* [The tenth anniversary of the October Revolution]. Moscow: AKhRR.
30. Krasnyy Altay. (1927) Politshkoly i kruzhki provodite besedy o 10-y godovshchine Oktyabrya [Political schools and circles were interviewed on the 10th anniversary of the October Revolution]. *Krasnyy Altay*. 28 October.
31. Krasnyy Altay. (1927) Prikaz Barnaul'skogo Gorodskogo Soveta 7-go sozyva № 30 [Order of Barnaul of the 7th convocation of the City Council No. 30]. *Krasnyy Altay*. 3 November.
32. Krasnyy Altay. (1927) Barnaul v prazdnik [Barnaul during the feast]. *Krasnyy Altay*. 3 November.
33. Budina, O.R. & Shmeleva, M.N. (1979) Obshchestvennye prazdniki v sovremennom bytu russkogo gorodskogo naseleniya [Public holidays in the modern Russian life of the urban population]. *Sovetskaya etnografiya*. 6. pp. 3–17.
34. Krasnyy Altay. (1927) Novoe pobezhdaet [The new wins]. *Krasnyy Altay*. 13 November.
35. Krasnyy Altay. (1927) Vlasikha p'yanstvovala [Vlasikha got drunk]. *Krasnyy Altay*. 13 November.

Received: 25 February 2016